

А. В. Лаврухин

К ВОПРОСУ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ФЕНОМЕНОЛОГИИ Э. ГУССЕРЛЯ УЧЕНИЮ Ф. БРЕНТАНО И ШКОЛЕ БРЕТАНИСТОВ

В статье дан систематический сравнительный анализ философских концепций Э. Гуссерля, Ф. Brentano и представителей школы Brentanistov. Критически переосмысляя попытку инкорпорировать феноменологический проект Гуссерля в концепцию Brentano и Brentanistov, автор выявляет принципиальные методологические различия двух направлений и показывает формы проявления этих различий через анализ феноменов восприятия, идеации, представления, интенциональных предметов. Проведенный анализ позволяет прояснить вопрос о преемственности феноменологического проекта к историко-философскому наследию и достичь большей ясности в понимании ключевых методологических предпосылок и концептуальных интенций феноменологии Гуссерля.

Мереологическая модель?

Актуальность исследований по феноменологии обусловлена прежде всего «парадигмообразующим» значением этого учения для философии XX в. Не случайно в современной философии практически каждый мыслитель так или иначе касается феноменологических исследований — будь то в модусе преемственности и развития или в форме критики. При этом разноречивость, а зачастую и полярность существующих интерпретаций феноменологии и полемических высказываний, направленных против нее, делают необходимым постоянное возвращение к исследованию работ ее основателей.

Между тем в этой области перед историком философии стоит ряд нерешенных проблем как исторического, так и систематического порядка. В историческом плане — это вопрос о преемственности и новации по отношению к историко-философскому наследию. В систематическом прежде всего речь идет о возможности выявления единой концептуальной основы феноменологии, которая могла бы стать своего рода путеводной нитью и одновременно принципиальным условием для осуществления любого конкретного феноменологического анализа.

В русско- и иноязычной интерпретативной литературе принято считать, что идея интенциональности, которая сперва выступила в роли основополагающего критерия при экспликации психологического феномена и обосновании дескриптивной психологии у Ф. Brentano, затем в ходе ее дальнейшей систематической разработки и концептуального оформления у Э. Гуссерля,

ознаменовала начало феноменологии и стала своего рода методологическим и систематическим основанием тех или иных феноменологических анализов. Однако простая констатация продуктивности идеи интенциональности не учитывает важных смысловых акцентов, различий и проблематизирующих вопросов. В этом отношении показателен вопрос о преемственности и специфике феноменологии Гуссерля по отношению к учению Brentano и его последователей, поднятый в статье Романа Громова «Сознание и его части. Мереологическая модель исследования в психологии Ф. Brentano» [11. С. 71]. При всем том, что поставленная перед автором задача — задача выявления общей методологической программы дескриптивного проекта Brentano и феноменологического проекта Гуссерля — релевантна означенной выше (историко-философской и систематической) проблематике, избранная интерпретативная стратегия видится нам довольно спорной. И хотя с момента публикации статьи Романа Громова прошло уже немало времени, ее провокативная сила не ослабла, а масштабность и временной размах историко-философского исследования вкупе с по-прежнему актуальной задачей адекватного освоения феноменологической традиции в русскоязычном пространстве дает все основания вновь обратиться к рассмотрению затронутого в ней круга вопросов и проблем.

В чем же спорность и провокативность выдвинутых в статье Р. Громова тезисов? Исходной направленностью интерпретативной стратегии, которая была предложена ее автором, стала, в общем-то, вполне оправданная и ставшая уже классической предпосылка всякого историко-философского исследования: выявить те истоки, негласные, утаиваемые, осознанные или неосознанные взаимосвязи философской концепции с предшествующим историко-философским контекстом, школой, учением и прочим, которые предопределили путь мышления того или иного мыслителя. Очевидно, что условие успеха при осуществлении такой стратегии — акцентация внимания исследователя на скрытых, неявных аналогиях, сходствах и тождествах. Так, по мнению Громова, в историческом аспекте феноменология Гуссерля вырастает из дескриптивной психологии Brentano и соответственно из тех историко-философских традиций, предпосылок, программ, которым следовал Brentano и Brentanisty. Автор считает, что в систематическом аспекте преемственность феноменологии Гуссерля по отношению к дескриптивной психологии Brentano оказывается гораздо большей, чем принято считать. Более того, Гуссерль исходит из одних и тех же (осознаваемых или неосознаваемых) предпосылок, поскольку сам характер поставленных перед феноменологией проблем родствен проблематике дескриптивной психологии Brentano и по существу предопределяется ей, встраиваясь в логику развития «мереологического проекта»¹. В связи с этим, конечно же, возникает вопрос, что подразумевается под «мереологическим проектом»? На наш взгляд, наиболее важные смысловые аспекты «мереологического проекта», в понимании Громова, можно сформулировать следующим образом.

1. Анализ какого-либо феномена через оперирование отношением «часть–целое».

2. Стремление к построению изолированной системы: либо психических феноменов (в дескриптивной психологии Brentano), либо феноменов сознания (в феноменологии Гуссерля), которые в ходе анализа (структурно-аналитический

1 «Мы полагаем, что движение от психологии Brentano и Штумфа к теории представлений Твардовского и феноменологии Гуссерля может быть представлено в виде развития определенного мереологического проекта, а именно того проекта, который первоначально был намечен в психологических и онтологических исследованиях Франца Brentano» [11. С. 71].

этап исследования) выделяются из изолированного целого как элементы (=части) с целью большего удобства при их последующем синтезировании (синтез). По мнению Громова, это как раз и была неартикулированная (т. е. историко-философски неосознанная и в этом смысле подлинная) мотивация брентановского отделения дескриптивной психологии от генетической, а также выделения психологии в качестве автономной дисциплины со своим предметом и методом.

3. Репрезенталистская теоретико-познавательная модель, которая, в свою очередь, свидетельствует о более тесной связи между мереологической моделью и позитивизмом, соответственно вскрывает, развенчивает позитивистскую природу методологии Ф. Brentano, брентановской школы и феноменологии Э. Гуссерля.

Если предварительно обозначить суть наших разногласий с предложенной Громовым интерпретацией характера преемственности феноменологии Гуссерля дескриптивной психологии Brentano, то они будут выглядеть так.

1. Действительно, при анализе интенциональных актов сознания Гуссерль обращается к логике части и целого².

2. Учение о части и целом, взятое в столь широком смысле само по себе, однако, не может быть аргументом в защиту (или против) тезиса о концептуальной и методологической идентичности проектов Brentano и Гуссерля, поскольку тематика (и соответственно избираемая логика) части и целого, в определенном смысле, неизбежна не только в феноменологическом, но и в любом философском исследовании.

3. Более определенным и потому весомым аргументом в пользу выдвигаемого в статье тезиса может рассматриваться «репрезенталистская теоретико-познавательная модель», по мнению автора — своего рода «визитная карточка» эмпиризма, позитивистской методологии Brentano и школы брентанистов соответственно.

4. Мы согласны с Громовым в том плане, что между всеми шестью логическими исследованиями Гуссерля имеется внутренняя взаимосвязь, *собственно, взаимосвязь наиболее существенной гуссерлевской инновации — интенциональных анализов.*

5. Наша задача поэтому заключается в том, чтобы прежде всего выяснить, насколько правомерно утверждать, что *в своих интенциональных анализах сознания Гуссерль остается в пределах «репрезенталистской теоретико-познавательной модели»* и руководствуется теми же методологическими предпосылками, которым следовал Brentano и брентанисты.

Таким образом, предпринимаемый нами анализ, никоим образом не умаляя бесспорных результатов означенного исследования, призван обратить внимание на те различия, которые в силу избранной стратегии, остались незамеченными. На наш взгляд, такой анализ, сориентированный на выявление различий, позволил бы приблизиться к решению двух задач. С одной стороны, он будет способствовать поиску оснований для проведения более строгих дифференциаций между дескриптивной психологией Brentano и феноменологией Гуссерля и тем самым приданию большей рельефности самому историко-философскому ландшафту (ведь, в идеальном случае, интерпретация, сориентированная на поиск аналогий и тождеств, устранила бы все различия, выявив одну, поглощающую все дифференциации, гомогенную модель историко-философского генезиса). С другой стороны, успешное проведение

2 Так, еще Г. Хеффернан указывал на применение учения «часть–целое», разработанного Гуссерлем в третьем исследовании, при анализе интенциональных актов в пятом исследовании (см.: [5]). Более развернутую и аргументированную версию такой интерпретативной стратегии можно встретить и в работе А. Зюсбауэра (см.: [9]).

вышеозначенных дифференциаций будет способствовать выявлению инновативных моментов самой феноменологии и тем самым осмыслению генезиса феноменологической традиции в целом. Разумеется, ключевым в таком случае станет вопрос о том, каков характер преемственности феноменологии Гуссерля по отношению к дескриптивной психологии Brentano или что превалирует в такого рода преемственности — сходства или различия, если исходить из констатации интенциональной инновации как наиболее существенной и парадигмообразующей для феноменологического проекта в целом.

Идея интенциональности как фундаментальная предпосылка проведения дисциплинарного различия между психическими и физическими феноменами

Исходным и решающим пунктом размышлений Brentano становится проведение различия на физические и психические феномены. Это разграничение одновременно указывает на необходимость решения стратегической задачи — очертить облик новой дисциплины, принципиально несводимой ни к классической метафизической системе, ни к одной из позитивных наук, равняющихся на образец якобы безупречной мысли, — естествознание. Отграничение от естествознания осуществляется Brentano в полемике с господствующей тогда *ассоциативной психологией*, для которой факты психической жизни могли изучаться точно так же, как вещи физического мира. Законы ассоциации представлялись аналогами необходимых, универсальных, объективных законов механики, управляющих появлением, протеканием, ассоциацией и диссоциацией психических процессов. Поэтому крайне сложно и практически невозможно было провести различие между вещами физического мира и фактами психики, т. е. выявить специфическую предметную сферу психологии. *Идея интенциональности как раз и была призвана стать фундаментальной предпосылкой междисциплинарного разграничения, а также тем признаком, который сущностным образом маркировал бы специфическую предметную сферу психологии.*

Критическое переосмысление метафизики также нашло свое отражение в Brentановском *принципе эмпиричности* — исходить из данности конкретного *психического феномена* или воспринимать вещи так, как они дают себя и не доверять каким бы то ни было предзаданным их интерпретациям метафизического толка. Условием феноменальной данности опыта выступает исполнение ряда негативных операций в отношении непроясненных, неочевидных метафизических предпосылок, наиболее важной из которых становится отказ от субстанциального понятия *души*, на которое могла бы быть неоправданно возложена некая регулятивная функция, имеющая негативные последствия для беспристрастного и адекватного изучения феноменов психической жизни. Понимание эмпиричности в таком ракурсе в качестве метода предполагает *дескрипцию психических феноменов*. При этом сама дескрипция не означает простого нагромождения описаний, но подразумевает глубокий уровень аналитичности. Как пишет О. Краус, по Brentano, «общность имеющихся в наличии состояний сознания» должна выстраиваться «подобно тому, как общность слов возникает из букв» [8. S. 21]. Отсюда важен вопрос о том, что при анализе и последующем синтезировании более сложных психических образований может стать такой элементарной «буквой». Для Brentano — это «феномены» представления. В этом отношении успех предложенной Brentano модели дескриптивной психо-

логии, которая должна была стать альтернативой господствующей ассоциативной психологии, в полной мере зависел от того, насколько последовательно будет разработана идея интенциональности (как условие дисциплинарного разграничения) и дескриптивная аналитика психических феноменов (как метод новой дисциплины). Ясно, что оба момента внутренне взаимосвязаны. Ведь дисциплинарное разграничение осуществляется через разграничение опытов восприятия. А опыт восприятия есть в первую очередь разворачивание горизонта опыта и раскрытие способов его данности. Именно поэтому наш анализ дескриптивной психологии Brentano в означенных выше двух ключевых аспектах — это анализ опыта восприятия прежде всего в плане методологических условий и способов его конституции.

Итак, брентановское различие между физическими и психическими феноменами стоит рассматривать как различие опытов восприятия: *внутреннее восприятие* (innerliche Wahrnehmung) психических феноменов несопоставимо с *наблюдением* (innerliche Beobachtung), т. е. со способом восприятия физических феноменов [1. S. 35]. Данные во *внутреннем восприятии* предметы нельзя наблюдать. Наблюдение — это способ восприятия физических объектов, когда предполагается, что предмет (объект) наблюдения не претерпевает никаких изменений от самого факта наблюдения. Наблюдение как способ восприятия предполагает, что процессы и явления объективны, самодостаточны вне зависимости от того, наблюдаемы они или нет. Напротив, специфический характер психических феноменов таков, что, став предметом наблюдения, они изменяются, модифицируются. Так, наблюдение за гневом или яростью снижает степень «накала» этого психического состояния, поскольку наблюдение сущностным образом взаимосвязано с самим гневом: оба они имеют единую — психическую — природу. Поэтому конститутивным для разворачивания нового — дескриптивного — горизонта опыта является опыт *внутреннего восприятия*, которое, в понимании Brentano, отличается двумя существенными признаками: 1) будучи вплетено в процессы внутренней жизни индивидуума, оно обладает *естественной автореферентностью*, т. е. таким обращением к внутреннему составу психических феноменов, которые не нарушали бы естественного хода внутренней жизни, но, напротив, предполагали бы его; 2) данности внутреннего восприятия очевидны. По замыслу Brentano, интенциональная природа психических феноменов как раз и удовлетворяет двум этим условиям.

С одной стороны, интенциональная направленность — это автореферентная структура сознания, исполняемая *естественным образом, причем естественным* в двух смыслах. Во-первых, потому, что интенциональная направленность составляет сущность любого психического феномена — быть *направленным на* что-либо. Жизнь сознания и психики в целом всегда описывается в терминах отношения, рефлексии [2. S. 134–135]. А, во-вторых, потому, что для отслеживания тех или иных психических феноменов не нужно прилагать каких-то чрезмерных, экстраординарных (т. е. превышающих *нормальную* работу сознания) усилий, которые могли бы деформировать и тем самым представить в искаженном свете сам изучаемый «предмет»: всякий психически действующий субъект, направленный на нечто, одновременно естественным и необходимым образом во *внутреннем восприятии* интенционально направлен на тот или иной исполняемый психический акт, т. е. как воспринимающий он сам для себя всегда — объект *вторичной направленности*. Это значит, что любая психическая деятельность может быть направлена на саму себя и способна *естественным образом* отследить сам психический акт, саму *направленность на* некий предмет в *предмет* вторичной рефлексии, на который направлена

вторичная интенция. Brentano указывает на то, что сам этот факт был замечен еще Аристотелем и назван им *en parego* (от др.-греч. ἐν παρέργῳ — наряду с, мимоходом). Отсюда Brentano различает первичный (*primäres*) и **вторичный объект** (*sekundäres Objekt*) внутреннего восприятия. Первый — предмет прямой, «первичной» направленности, скажем, в акте представления, второй — сама эта направленность, но взятая во «вторичной» направленности уже в качестве объекта (осознание акта, т. е. здесь мы устанавливаем, что акт этот — именно представление).

С другой стороны, *естественность внутреннего восприятия* заключается еще и в том, что оно очевидно или, по-другому, само *очевидное восприятие* возможно лишь в том случае, если объектом познания становится внутренний мир индивидуума. Мы можем ошибаться в первичном объекте (сомневаться в том, точно ли это тот объект, который мы предполагаем), но в том, что мы именно видим, т. е. в самом акте видения (вторичном объекте) едва ли кто усомнится. Таким образом, автореферентная природа интенциональности (т. е. способность «мимоходом» отслеживать сами акты восприятия того или иного объекта) выступает в качестве условия и гаранта очевидности. Причем Brentano подчеркивает, что *внутреннее восприятие* нельзя путать с обычной интроспекцией, простым самонаблюдением, понятным в естественнонаучном смысле. В то же время данные во *внутреннем восприятии* очевидные и всеобщие суждения не должны пониматься как синтетические априори в кантовском смысле. Для Brentano все понятия происходят из опыта, а потому нет и не может быть категорий, выступающих в качестве априорно-синтетических принципов. Точно так же Brentano отказывается от «идеальных предметностей» в том виде, как позже их сформулировал Гуссерль для решения проблемы очевидности. В отличие от внешних восприятий и суждений о воспоминаниях (*Erinnerungsurteile*), аксиомы и внутренние восприятия ясны сами по себе, а потому очевидны. Тем самым определяется два источника очевидного познания: аподиктические или априорные суждения аксиом, чья очевидность проистекает из встречающихся в опыте суждения очевидных понятий и внутреннее восприятие, которое просто очевидно. Оба источника демонстрируют некий аксиоматический предел анализа — они не нуждаются ни в каких дополнительных анализах, обоснованиях и доказательствах.

Если опыт внутреннего восприятия трактуется как разворачивание горизонта опыта очевидных данностей, т. е. таких, которые в силу своей простоты и непосредственности не вызывают никакого сомнения, то резонен вопрос, что, собственно, дано во внутреннем восприятии в качестве простого, непосредственного и далее неделимого? Как мы говорили ранее, при проведении вышеуказанного фундаментального разграничения, Brentano следует классическому эмпирическому (например, локковскому) разделению восприятий на *внутренние* и *внешние* в зависимости от объекта восприятия: во *внешнем восприятии* нам даны физические феномены, во *внутреннем* — психические. Однако здесь имеется и существенная разница. Brentano в отличие от Локка подвергает резкой критике смешение чувственных данных с ощущениями, определяя последние в качестве *представленных объектов*. Тем самым Brentano акцентирует внимание на примечательном для всех последующих анализов сознания факте: воспринимаются не чувственные данные, которые в опыте никак не могут быть зафиксированы, но *нечто представленное, т. е. результат интенциональной направленности на сами эти чувственные данные*. Сам термин «представление» Brentano использует для того, чтобы подчеркнуть *опосредованный* (через акты представления) *характер* опытных данных, всего опыта в целом. Дан-

ности внешнего (или внутреннего) мира не являются в ощущениях непосредственно, но *формируются в опыте, — прежде всего в опыте представления*. Сама по себе чувственность неуловима, а не проста и неразложима как предполагали Гельмгольц и Герbart. Таким образом, первоначально данным во *внутреннем восприятии* выступает сфера *представленного* или просто — представления [2. С. 34]. Сказав «просто представление», мы не должны упускать очень важного для Brentano момента — представление трактуется Brentano в качестве акта, психического отнесения, а не как статичный результат представления *нечто* представленное. В третьем томе *Психологии*³ Brentano, внося дополнительное условие очевидности, указывает на то, что *очевидное внутреннее восприятие* возможно только *в настоящем* [3. С. 14]. Такое восприятие нельзя распространить на прошлое (воспоминание) или будущее (предвосхищение). Тем самым намечается различие между *внутренним восприятием* и *воспоминанием*, а также *ожиданием* [3. С. 15]. Такая коррекция, видимо, связана все с той же фундаментальной проблемой специфического анализа феноменов психики — они чрезвычайно «чувствительны» к анализу, вмешивающемуся в их *естественную работу*. И здесь стремление к временному дистанцированию, которое, казалось бы, могло придать анализу большую объективность (соответственно очевидность) не помогает, но только ухудшает положение дел. В силу того, что изначально все психические феномены даны в актах представления, сфера представленного довольно широка: она охватывает как конкретные наглядные представления, данные нам в чувственном восприятии, так и всеобщие понятия (Brentano сравнивает понятие представленного с декартовскими *ideae*).

Завершая этот обзор, стоит отметить, что мы до сих пор не упоминали одну из важных и интересных проблем связи мира сознания и мира вещей, которая проистекает из другого Brentano-ского определения интенциональности: через выражение *интенциональное существование* или *содержимость предмета* (In-existenz) в акте. Причина «пренебрежения» этой темой проста — мы рассматривали ее в отдельной статье [13]. Однако важность проблемы обязывает нас зафиксировать хотя бы некоторые, наиболее существенные выводы, имеющие принципиальное значение для цели и задач нашего исследования.

Во-первых, для Brentano слово *реальный* имеет двоякий смысл: оно обозначает очевидные психические данности сознания и одновременно указывает на *существование в собственном (одном единственном) смысле* — как существование *вещи объективного мира и его каузальных связей*. В этом отношении мы совершенно согласны с тем тезисом Громова, согласно которому Brentano оставался верен «традиционной, пост-картезианской концепции сознания» вопреки декларируемой новой «*дескриптивной методологии*» [11. С. 73]. Согласно этой концепции сознания, которая вполне справедливо идентифицируется Громовым с позитивистской и естественнонаучной методологиями [11. С. 74], любой предмет исследования должен быть объективирован, т. е. превращен в объект, в отношении которого можно применить все познавательные «шаги», свойственные прежде всего для естествознания: эмпирическое наблюдение, индукция, дедукция, анализ, синтез и т. д. После Декарта объективации стали подвергаться не только физические предметы (внешнего мира), но и сфера сознания. Brentano следует этой же стратегии объективации. Именно объективирующая методология делает возможным рассмотрение самого сознания как объективного (уподобляющегося вещи) целого, а его феноменов —

3 Психология — это «Психология с эмпирической точки зрения» [1; 2; 3].

как частей-объектов. Таким образом, если под выражением «отношение “часть-целое”» (соответственно «мереологический проект») понимать определенный способ манипуляции объектами, то мы полностью солидаризуемся с позицией Громова. Причем «манипуляции» здесь стоит понимать в том смысле, что рассмотрение (в нашем случае — дескрипция сознания) по модели «часть-целое» производно от той фундирующей установки, которая породила саму эту модель, т. е. от предпосылок «пост-картезианской», «позитивистской» объективирующей методологической установки. Отсюда, обнаруживая симптомы «мереологического анализа», мы, вслед за Громовым, констатируем скрытое присутствие «пост-картезианской», «позитивистской методологии» в дескриптивной методологии Brentano. Здесь только стоит оговорить важный, с нашей точки зрения, момент: *«мереологическая модель» — это следствие, т. е. всего лишь знак, указывающий на присутствие «позитивистской установки»*, и потому сама по себе «мереологическая модель» не может выступать в качестве аргумента для обоснования того факта, что указываемое, т. е. фундирующая репрезенталистская (позитивистская) методологическая установка, на самом деле имеет место. Поэтому гораздо важнее исследовать сам механизм функционирования «позитивистской установки» и соответственно процесса «объективирования», ведь в случае дескриптивной психологии Brentano речь идет о специфической «объективации» — «объективации» феноменов психики.

Во-вторых, вслед за Громовым, зафиксируем конститутивные моменты, определяющие «репрезенталистскую теорию восприятия», поскольку они нам понадобятся для дальнейшего анализа: 1) фундирующее «различие явления и являющейся вещи»; 2) данный во внутреннем восприятии предмет (= феномен) выступает в качестве ментального *репрезентанта* действительной вещи; 3) отношение между действительной вещью и феноменом — отношения «причинно-следственной связи». Последний тип отношений возможен именно потому, что ментальный репрезентант вещи изоморфен самой вещи, т. е. феномен сознания можно рефлексивно объективировать, делить на части, анализировать и объединять эти части в новые целостности точно так же, как и любую вещь, данную во внешнем восприятии. Что же выступает в роли таких частей у Brentano? Это феномены психики, а, поскольку сам психический феномен Brentano истолковывает как триединство акта, предмета и вещи, соответственно имеется в виду три части — 1) психический акт, 2) внутренний (интенциональный) предмет (объект) и 3) сама вещь; см.: [н. С. 80–81].

И, наконец, в-третьих, с нашей точки зрения, имеет смысл дополнить и скорректировать эти положения тезисом, имеющим существенное значение для всех предыдущих и последующих размышлений: означенная выше двойственность обусловлена прежде всего существенной методологической «несостыковкой» между научно-эмпирической и интенциональной установками, которые пытался примирить Brentano. Эта несостыковка прежде всего выражается в том, что проведение дисциплинарного разграничения только по предметной сфере, при сохранении общей (для психологии и естествознания) методологии представляется крайне непродуктивным и практически невыполнимым. *Это свидетельствует также о том факте, что Brentano не ухватывал характера связи между предметной сферой и методом, а именно — отношении их строгой корреляции.* Видимо, именно поэтому предметная сфера дескриптивной психологии приобрела столь неопределенные и размытые очертания, а сама идея интенциональности, изначально призванная задавать строгость и ясность означенного предметного разграничения, не была разработана Brentano в методологическом отношении, т. е. так и не стала новым

методом дескриптивного анализа, принципиально отличным от естественнонаучного метода, но, превратившись в оперативное понятие, в дальнейшем служила для описания «фиктивных» языковых выражений; см.: [4. С. 23, 73, 75].

*От «предметных» к методологическим
импликациям интенциональности*

Не злоупотребляя повторами [13], сосредоточим внимание на одном ключевом для нашей заочной полемики тезисе: *все предложенные брентанистами (прежде всего, Хефлером, Мейнонгом и Твардовским) новации сорентированы на уточняющие различения тех понятий, которые имеют отношение к «предметной сфере», но не затрагивают вопроса о методе. Видимо, методологический аспект критического осмысления наследия Brentano вообще не был столь актуален именно потому, что как Хефлер и Мейнонг, так и Твардовский разделяли брентановскую установку о том, что единственно возможный метод — это метод естественнонаучных дисциплин, а потому проводить все дисциплинарные разграничения и прочие новации можно и нужно исключительно в предметной сфере.*

В этом отношении предложенный Гуссерлем интенциональный анализ содержания переживания заметен выбивается из заданного направления. И здесь мы никак не можем согласиться с установленным Громовым «показательным примером» аналогии между «дескриптивной психологией» Brentano, описанием структуры актов сознания К. Твардовским и интенциональным анализом сознания Гуссерля, в силу чего автор приходит к выводу, будто в основании всех трех философских программ узнаваема одна и та же «репрезенталистская теория восприятия» и соответственно «мереологическая модель» [11. С. 83–84]. На наш взгляд, гуссерлевская критика Brentano более радикальна и не может рассматриваться как продолжение одной и той же парадигмы именно потому, что исполняется она в *методологическом отношении*. Гуссерль в отличие от Мейнонга и Твардовского по большому счету не следует брентановскому различению физических и психических феноменов, но вообще стремится уйти от фундаментальной для естественнонаучной установки дихотомии «внутреннее/внешнее» (и соответственно деления на «внутреннее» и «внешнее» восприятие), которая, собственно говоря, была конститутивной методологической предпосылкой всех разграничений, проведенных Brentano и брентанистами при экспликации нового, дескриптивного опыта восприятия. Тем самым Гуссерль намечает систематическое размежевание понятий *имманентного анализа* в феноменологии и *внутреннего восприятия* в дескриптивной психологии Brentano (а также его модификациями у Мейнонга и Твардовского). Вопреки установленному Brentano различию между внутренним восприятием и наблюдением, по мнению Гуссерля, предположение Brentano об эмпирической природе психических феноменов (которое, как мы показали, остается в силе и для Твардовского) создает опасность бесконечного регресса: в актах внутреннего восприятия всякое рефлектирующее восприятие, будучи реальным, само должно стать предметом последующей рефлексии; см.: [12. С. 262]. В этом смысле, считает Гуссерль, именно осознание означенной проблемы и желание преодолеть ее стало подлинной мотивировкой к разработке брентановской теории *первичных* и *вторичных* объектов, а вовсе не логика интенционального анализа психических феноменов. Напротив, Гуссерль ориентируется на новую методологическую перспективу исследования как раз исходя из более последовательной разработки идеи интенциональности. В связи с этим он замечает,

что *внутреннее восприятие* — это не эмпирическое отслеживание феноменов, что не всякий психический феномен интенционален и потому нельзя изначально предполагать, что факт наличия *внутреннего восприятия* гарантирует ту степень очевидности, которая в дальнейшем может служить критерием для любого познания вообще. Ведь неочевидными могут оказаться не только восприятия вещей внешнего мира, но и данности внутреннего восприятия. Это обнаруживается при переходе от естественной в рефлексивную установку сознания: не будет очевидным, например, восприятие, которое направлено на его эмпирический состав. Более того, «ясно, что большинство восприятий психических состояний не могут быть очевидными, поскольку они воспринимаются как телесно локализованные...» [7. S. 761].

Вместе с тем восприятие внешних вещей может обрести статус очевидного, если оно обращено к сущностному компоненту восприятия внешних предметов. Исходя из этого, Гуссерль приходит к следующему выводу: «В противоположность этому мне видится, что внутреннее и внешнее восприятие, если только эти термины понимаются в соответствии с их природой (*naturgemäß*), имеют совершенно одинаковый теоретико-познавательный характер» [7. S. 760].

Как видим, ряд разъяснений и разграничений в предметной сфере приводит Гуссерля к выводам, имеющим уже методологическое значение: различие психических и физических феноменов через отделение внутренних от внешних — не путь к обнаружению специфики бытия сознания, но результат лежащей в основании самого этого принципа естественнонаучной методологической установки, согласно которой сознание может изучаться точно так же, как и прочие объекты. Тем самым критика Гуссерля обретает новое, *методологическое измерение* — она нацелена как раз на те неявно полагаемые Brentano и Brentанистами методологические допущения, согласно которым внутренний (т. е. психический) феномен вполне может быть понят как репрезентант, изоморфный вещи и, пусть косвенно, в модифицированном виде, но вплетенный в одни и те же каузальные связи, образующие общий тождественный контекст «реального вообще». Поэтому более фундаментальное и отвечающее замыслу феноменологического рассмотрения, по Гуссерлю, — это деление на *адекватное* (*adäquate*) и *неадекватное восприятие* (*inadäquate Wahrnehmung*).

Соответственно вводимое Гуссерлем различие на *трансцендентные* и *имманентные восприятия* имеет методологический характер и призвано заместить оппозицию «внутреннее/внешнее». Новая терминология призвана акцентировать внимание на том, что не только *психические феномены* в понимании Brentano не идентичны *переживаниям*, а *внутреннее восприятие адекватному имманентному восприятию*, но и *внешнее восприятие* не идентично *трансцендентному неадекватному восприятию*. Ведь посредством *трансцендентного неадекватного восприятия* даны как внешние предметы с восприятием психических, так и внутренние предметы с восприятием внешне определенных характеристик. И это связано с тем, что понятие *трансцендентного неадекватного восприятия* призвано отобразить не границу между внешним и внутренним, но различие между *адекватным* и *неадекватным*. Адекватным может быть как внутреннее, так и внешнее восприятие. Равно как и наоборот. Первая пара («внутреннее/внешнее») определена через заданные в контексте естественнонаучной установки понятия физического и психического, вторая («имманентное адекватное/трансцендентное неадекватное») «запечатлевает фундаментальную теоретико-познавательную противоположность...: п р о -

т и в о п о л о ж н о с т ь между а д е к в а т н ы м восприятием (или созерцанием в наиболее узком смысле), чья воспринимающая интенция направлена исключительно на действительно наличное в нем содержание и просто предполагаемым (*vermeintlichen*), н е а д е к в а т н ы м восприятием, чья интенция не находит своего наполнения в наличном содержании, но, скорее всего, благодаря ему конституируется телесная данность трансцендентного в качестве всегда всегда односторонней и предположительной (*präsumptive*) данности» [7. S. 769]. Собственно говоря, на основе этих и многих других осуществленных в *ЛИ*⁴ дескрипций становится понятно, что здесь речь идет о предварительных разработках *феноменологического метода*, который позже (в так называемых лекциях гёттингенского периода 1907 г.) Гуссерль назовет в качестве метода «феноменологической редукции». Как здесь, так и там, Гуссерль подчеркивает, что в таких исследованиях не должно быть никаких положений об опыте или суждений, имеющих отношение к *предметам, трансцендентным сознанию*. Соответственно данности, которые отсылают за пределы сознания, Гуссерль называет *трансцендентными данностями*. Феноменологическое рассмотрение *выключает* (*ausschaltet*), *редуцирует* всё то, что *трансцендентно* сознанию. Понятно, что «выключение» эмпирической установки одновременно есть «выключение» ее методов: наблюдение, деление на части (анализа), классификацию, синтез и прочее. Причем исполнение идеирующей абстракции (*ideierende Abstraktion*) или, кратко, идеации (*Ideation*) выступает как операцией «выключения» эмпирической установки, так и первым подступом к феноменологическому анализу интенционального содержания переживаний [12. С. 410–411].

От индуктивного абстрагирования к феноменологической идеации

В контексте означенной полемики резонен вопрос о природе самой идеации: не является ли идеация своего рода атавизмом репрезенталистской модели — естественнонаучной операции абстрагирования от эмпирически фиксируемого частного к общему? Стоит признать, что в «Логических исследованиях» [6] понятие идеирующей абстракции употребляется в разных значениях в зависимости от контекста, что, безусловно, затрудняет интерпретацию этой операции. Однако здесь мы не будем останавливаться на специфике этих трудностей, сосредоточив внимание на тех моментах, которые, на наш взгляд, довольно недвусмысленно констатируют существенные различия между эмпирической операцией абстрагирования и феноменологической идеацией Гуссерля.

Уже в *Прологоменах*⁵ [6] одной из наиболее важных стала задача проведения строгого различия между всеобщими законами природы и общезначимыми законами логики, которому коррелятивны два разных процесса абстрагирования всеобщего и соответственно два типа наук. Индуктивное выведение всеобщего понятия осуществляется путем выявления *общего* в смысле *подобного* (*gleiches*) в дискретных, протяженных во времени и пространстве эмпирических данностях (вещах, событиях и т. п.). Как мы видели ранее, это путь, которым также следовали Brentano и Brentanisten. Гуссерль называет такие всеобщие понятия всеобщими *тождествами* (*Allgemeingleichheit*), где тождества — результат постепенно выстраиваемой эмпирической согласованности опытных данных. Чисто логическая же всеобщность базируется на идеативном схватывании *действующей идеальной*

4 *ЛИ* — Логические исследования [6; 7]. Исследования по феноменологии и теории познания [10].

5 *Прологомены* — Логические исследования. Прологомены к чистой логике [6].

идентичности (gültige ideale Identität). Чисто логическую идеативную всеобщность Гуссерль соответственно называет всеобщей *законностью* (Allgemeingültigkeit). Наука о *сущности* обращается к таким идеальным всеобщностям (=логическим понятиям или *spezies*⁶), которые идеально идентичны как в отношении многообразия всех возможных опытных данных, так и в отношении понятийных представлений с их содержаниями, т. е. идеальными значениями. В случае индуктивного абстрагирования имеет место постепенный аналитический переход от одного момента реальной вещи (=части) к другому, в ходе которого схватываются отдельные, частные подобия или подобные моменты, на основе которых в последующем синтезируется все более и более универсальное *всеобщее подобие* (=универсальное целое). В случае идеирующей абстракции *spezies* схватывается не опосредованно (через операции анализа и последующего синтеза), но в единовременном, непосредственном, простом акте усмотрения. Гуссерль неоднократно демонстрирует это различие на излюбленном примере восприятия красного [6. S. 135]. Обратим внимание на специфику отношения части и целого, столь актуальную в полемическом контексте. *Spezies* в строгом (естественнонаучном) смысле уже нельзя назвать «целым», ведь понятию «целое» коррелятивно понятие «часть», из которых это целое составлено, а у идеального, вневременного «целого» нет частей, на которые его можно было бы разложить. Если и можно употреблять понятие «целое» в применении к идеативной *spezies*, то исключительно в метафорическом смысле: как простое, неделимое «целое», данное в единовременном акте усмотрения. Логика части и целого здесь скорее парадоксальна, чем привычна (по меньшей мере, для эмпирического сознания): «частями» (в смысле «отблесками» — *Abglänze*) идеативного «целого» здесь выступают отдельные вещи (тут — красные предметы) и их моменты, причем так, что в самих вещах и их моментах усматриваются не фрагменты и не моменты *spezies* красного, но все красное, целиком и полностью, т. е. при идеативном усмотрении в части (как «отблеске» «целого» *spezies*) содержится все неделимое «целое».

Как видим, намеченный в *ЛИ* путь идеации — это не путь выведения всеобщих понятий или категорий из индивидуальных, конкретных, эмпирически фиксируемых фактов психической жизни. Для Гуссерля такой путь неприемлем в двух смыслах: ни в качестве единичных предметов реальности, которая находится вне сознания, ни в качестве индивидуально переживаемых, определенных в пространстве и времени фактов психической жизни сознания. Приобретенные на пути научного абстрагирования всеобщие понятия, законы и истины в той или иной форме предполагают опыт, исходящий из фиксации сингулярных реальных фактов. По Гуссерлю же, исходя из индивидуальных, единичных данностей вообще невозможно достичь той всеобщности, о которой идет речь в случае выявления интенциональных сущностей. На этом пути бессильна любая абстракция: отдельных ли компонентов реальности вне сознания или «психологическое гипостазирование изнутри сознания». Именно поэтому для феноменологии, в отличие от дескриптивной психологии Brentano и понимания опыта брентанистами, специфическая предметная сфера — интенциональные данности сознания — оказывается доступной не в конкретном чувственном восприятии (в эмпирическом смысле), но в адекватной, чистой, имманентной интуиции, благодаря которой становится возможным раскрытие нового горизонта опыта (опыта переживания чистого сознания) и соответственно опреде-

6 Понятия «сущность» (*Wesen*), «всеобщность», «идеальная всеобщность» (*Allgemeinheit, ideale Allgemeinheit*), «логическое понятие» (*logischer Begriff*), «всеобщее» (*Spezies*) в контексте употребляются Гуссерлем синонимично.

ляется приоритетная задача исследования (исследование сущностных моментов потока переживаний).

Методологический характер предпринятых Гуссерлем разграничений позволяет понимать все предметные разграничения в совершенно ином свете. Проводя различия между понятиями «предмета», «содержания» и «акта», Гуссерль прежде всего указывает на *сущностное* различие воспринимаемого предмета и ощущаемого содержания: различие между предметом и содержанием — это уже не различие *модификации* (как у Brentano и Brentanistov), но различие *способов бытия* [12. С. 358].

Последовательность проведенных в *ЛИ* [6] разграничений подводит нас к пониманию того, что в этом случае речь уже не может идти о поиске некоего изоморфного симбиоза между бытием реального предмета и бытием содержания, но, скорее, о необходимости выбора *одного из* способов бытия и *одной из* установок исследования: либо обратиться к эмпирически фиксируемой предметной области, либо выявить специфику внеэмпирической, т. е. идеальной интенциональной составляющей содержания. Отсюда, всем проведенным в сфере содержания разграничениям коррелятивны методологические разграничения и наоборот, сами различия в сфере содержания проводятся в согласии с изначальным разграничением эмпирической и феноменологической установок, т. е. в соответствии с принципом беспредпосылочности. Методично исполненное отделение содержаний восприятия (*Wahrnehmungsinhalten*) как *презентирующих ощущений от содержаний восприятия* как актов схватывания с присущей им «интенцией определенного характера» приводит к сущностному разграничению предметных сфер: дескриптивного (реального) и феноменологического (интенционального) содержаний [12. С. 359, 372].

Отсюда и принципиально новый итог всех исполненных разграничений и дистинкций: речь здесь уже не идет о проведении различий внутри одной и той же предметной сферы, но о выявлении новой предметной сферы, принципиально недоступной дескриптивному анализу — сферы интенциональных содержаний.

В свою очередь, если обратить внимание на специфическую природу выявленной через исполнение идеации новой предметной сферы — интенциональных структур сознания, то окажется, что здесь уже несуществен вопрос о различии между действительным (или собственным) и фиктивным (или модифицированным) существованием предмета (соответственно атрибутивными и модифицирующими определениями, в терминологии Твардовского). Показателен в этом отношении пример, который приводит Гуссерль с целью экспликации специфики интересующей его предметной сферы, т. е. интенционального содержания переживания: представленный Юпитер — это такое переживание, у которого нет реального состава, но, как замечает Гуссерль, это нисколько не мешает проводить феноменологический анализ данного переживания [12. С. 350]. Более того, для проведения интенционального анализа вымышленные представления даже удобнее, так как благодаря отсутствию в них реального содержания становится проще анализировать структуры интенциональных актов и выявлять специфику интендирования интенциональных предметов [12. С. 410–411]. Конечно, редукция означает не отрицание эмпирического существования чего-либо, но указание на то, что для феноменологического рассмотрения тезис о существовании утрачивает свою *значимость* (*Geltung*). Однако именно это и указывает на принципиальность гуссерлевского переосмысления: *вместо тезиса о «существовании в собственном смысле», наличие которого было принципиально для Brentano и всей естественнонаучной установки, Гуссерль руководствуется новым, более универсальным критерием, определяющим приоритет*

ность той или иной предметной сферы и задающим иерархическое единство всех интенциональных анализов — критерием значимости. Такой критерий позволяет ориентироваться на «нейтрализованное» в отношении проблемы «существования/несуществования» сознание, точнее, на его интенциональный состав и структуры, которые *законны* (gültig) в первостепенном смысле, т. е. здесь речь уже не может идти о том, будто существование интенционального предмета — это некая модификация существования реального предмета или вещи. Наоборот, действительный мир и лежащий в его основе тезис «существования», понятый в естественнонаучном и обыденном смысле, производны от определенных интенциональных структур и их модификаций. Таким образом, *значимость* (Geltung) в анализах Гуссерля — не только то понятие, которое определяет статус *идеальной всеобщности*, но и имеет прямое отношение к онтологическому вопросу — вопросу о статусе интенциональных предметностей и, в конечном итоге, о статусе мира, выступающего в качестве коррелята сознания. Как видим, и здесь дает о себе знать строгая корреляция между методологическими новациями Гуссерля и его экспликацией новой предметной сферы соответственно с вопросом об онтологическом статусе интенциональных предметов.

*От представления как психического пра-феномена
к феноменологии представления*

Можно сказать, что заданная Гуссерлем программа исследования предполагает не что иное, как *феноменологию представления*. И в первую очередь это, безусловно, свидетельствует о том, что Гуссерль сохраняет положение Brentano о фундаментальной значимости представления [12. С. 399]. Однако указанная близость Brentановской установке тем более настоятельно требует прояснения того, как Гуссерль модифицирует понятие представления и какой новый смысл в него вкладывается в связи с интенциональным анализом сознания.

Прежде всего стоит отметить, что Гуссерль вслед за Brentano акцентирует внимание на индифферентности представления к разделению на существующее/несуществующее, истинное/ложное. Об этом свидетельствует понятие «простых представлений (bloße Vorstellungen) в воображении, в которых полагание являющегося предмета не затрагивает ни его существования, ни его “не-существования”, а все прочие акты относительно этого предмета не имеют места». Простое представление выступает также в качестве простого высказывания, которое «мы воспринимаем и при этом понимаем выражение, например некоторое утверждение, оставляя в стороне вопрос, верим ли мы в него или нет» [12. С. 400], т. е. без исполнения *акта онтологической веры* (belief). Однако обратим внимание на ряд терминологических и содержательных отграничений, которые задают новую перспективу феноменологического рассмотрения, казалось бы, того же самого положения. Когда Гуссерль анализирует характер фундирования других актов переживания, т. е. когда представление выступает в качестве основы для других переживаний сознания, то возникает вопрос, который в связи с дефицитом методически исполняемого интенционального анализа и отсутствием соответствующего понятийного аппарата, не был актуален для Brentano и Brentанистов: являются ли акты представления как самостоятельный класс переживаний сознания (т. е. здесь «всего лишь представления») теми же самыми, что и представления, выступающие в роли основы для других классов переживаний сознания (т. е. несамостоятельные представления)? Основы-

ваясь на нехитром анализе некоторых пассажей из *ЛИ* (см., напр.: [12. С. 411]), нетрудно заметить, что аналитичность, которую имеет в виду Гуссерль совершенно иного рода, нежели аналитичность Brentano: здесь уже невозможно вести речь о разложении сознания на «буквы-атомы», из которых целостность феноменов сознания могла бы быть составлена как целостность слов из букв. Соответственно одно и то же слово «часть», «частичный акт», употребляется Гуссерлем в принципиально ином — интенциональном — значении. В чем же заключается его специфика? Ряд интенциональных дескрипций приводит Гуссерля к необходимости различения двух, несводимых друг к другу понятий и феноменов представления: представление как акт (качество акта) и представление как материя акта (не акт, но репрезентация) [12. С. 425–426]. Еще раз отметим, что в этом случае речь вовсе не идет о разбиении акта на части или о двух типах актов представления, но о феноменологическом (т. е. в специфически рефлексивном, идеативном) различении интенциональных *моментов* или *функций* одного и того же акта. Они *схватываются* только в рефлексивном анализе — как моменты они расположены в сущности акта и определяют возможности со-упорядочивать акты в известных рядах подобия и различия. Интуитивно обнаруживаемые в этих рядах сходства и различия суть интенциональные аспекты — качественный и материальный. При этом фундирующим является акт представления в смысле материи. Представленное содержание может стать предметом суждения только тогда, когда в нем нет ничего от качества — качества представления — а остается только материя совокупного акта [12. С. 417]. Таким образом, фундирующий акт представления — не *полный акт*, но есть акт с *упраздненным качеством* (он утрачивает специфическое свойство быть именно представлением, а не, скажем, суждением). Представление теперь понимается как лежащая в основе акта *репрезентация* (Representation), т. е. как полное содержание акта при исключении качества. И тем не менее материя одновременно свидетельствует о том, какой предмет подразумевается в акте и в каком смысле он подразумевается. То есть *репрезентация* привлекает те моменты, которые находятся вне интенциональной сущности и осуществляет то, что, например, предмет подразумевается в виде перцептивного или воображаемого созерцания или простого несозерцаемого мышления (подразумевания). Утрата качества связана с кардинальным позитивным изменением — обретением фундирующих функций, которые возможны как раз благодаря остающейся идентичной материи. И здесь Гуссерль делает очень важный вывод: если всякая другая интенциональная сущность — это совокупность качества и материи, *интенциональная сущность фундирующего представления есть всего лишь материя* [12. С. 401–402].

На основании вышесказанного напрашивается вывод, согласно которому интенциональный анализ позволяет Гуссерлю критически переосмыслить понятие «представление», выступающее базовым понятием не только в дескриптивной психологии Brentano, но и для всей Brentanovской школы. У Brentano и Brentanistov, как мы отмечали ранее, представление образуется путем абстрагирования данных в конкретно-чувственном восприятии отдельных качеств тех или иных вещей внешнего мира. Отсюда Brentano и Brentanistov понимали сложный психический феномен в качестве многосоставного акта, когда акт представления целиком и полностью входил в состав более сложного целого (например, акта суждения) в качестве его подосновы-части (т. е. как часть акт не утрачивал своей идентичности как до, так и после вхождения в состав новообразованной, более сложной целостности). Отсюда «построение» сложного феномена сознания понималось как статичное, ли-

шенное временного измерения надстраивание одних автономных целостностей над другими, а в основании всех сложных построений-феноменов лежало атомарное, т. е. неделимое, неизменное, непроницаемое (прежде всего, в структурном отношении) представление. В понимании же Гуссерля само представление — это сложное интенциональное образование, а потому все его модификации суть модификации его интенциональных аспектов и интенциональных актов. Отсюда представление, функционирующее в качестве фундамента для «построения», например, актов суждения — это уже не раз навсегда данная атомарная часть более сложного целого, но трансформировавшийся, т. е. потерявший свою качественную идентичность (и в этом смысле идентичность акта как части, ведь часть тогда часть, когда она остается ею даже вне того целого, которое она составляет) аспект, момент или функция нового интенционального образования. Модель «построения сложных актов на основе представления», которая была предложена Гуссерлем, также предполагает временную динамичность, изменчивость, текучесть и взаимопревращение интенциональных структур и интенциональных аспектов. При этом сохраняется общая структурная дифференцированность всех интенциональных аспектов, т. е. не утрачивается идентичность универсальной интенциональной структуры: «упразднение» качества представления означает не стирание границ между качествами (скажем, представления и суждения), но существенную интенциональную трансформацию самого качества — качество представления в функции фундирования становится материей.

Интенциональный предмет и интенциональная предметность

Принципиально разнятся подходы Brentano, Brentanistov и Гуссерля и к решению вопроса о статусе интенциональных предметов. В связи с этим нас не должно вводить в заблуждение, казалось бы, схожий с Brentano тезис Гуссерля: «Для реального (reell) феноменологического рассмотрения сама предметность — это ничто; она ведь, вообще говоря, трансцендентна акту» [12. С. 384]. Трансцендентность предметности здесь — не знак объективного существования предмета (вещи) во внешнем мире, но указание на специфику корреляции предмета акту: предмет не содержится в самом акте, а, напротив, отличен от него. Безусловно, это отличие акта от предмета носит принципиальный характер: не обладая им, акт нуждается в нем как необходимом моменте для своего построения. Однако трансцендентность понимается здесь в интенциональном, а не метафизическом или эмпирическом смысле. Обращение к феноменологическому рассмотрению прежде всего означает утрату значимого для дескриптивной психологии и Brentanistov реального различия между «просто имманентными» или «интенциональными» предметами, и им соответствующими «действительными», «трансцендентными» предметами. Трансцендентность вообще мыслится не через оппозицию внутреннее/внешнее, но через отношение трансцендентное/имманентное и, конечно же, оба предиката обретают свою значимость через отнесение к интенциональным актам. Поскольку интенциональные акты являются единственной реальностью, интенциональные переживания невозможно свести к другим или объяснить через другие типы отношений (например, каузальные), ведь они составляют основу любой познавательной деятельности вообще, любого надления смыслом или, выражаясь словами Гуссерля, любого «интендирования содержания». Как замечает Ланц, «Гуссерль понимает под “предметом” все, что мы полагаем в акте суждения, представления, ощущения; соб-

ственно предметом этого акта является все, на что *направлен* наш акт, что он интендирует, — будь этот предмет реален или нереален, фиктивен или попросту абсурден, он никогда не является реальной составной частью самого акта; он всегда трансцендентен акту» [14. С. 43]. Если сам предмет (именуемый также содержанием) трактуется Brentano в качестве объективного момента, отделенного от переживания, то для Гуссерля интенциональная направленность не нуждается в предмете как объективном, реальном, действительном моменте: интенция «отнесения» может быть осуществлена даже тогда, когда нет существующего в действительности предмета и он навряд ли мог бы существовать, когда предмет подразумевается и в самом таком подразумевании заключена суть переживания. Структура переживаний сознания такова, что любой акт направлен на что-либо и без этого *ничто* акт не может быть исполнен. Таким образом, статус предмета, понимаемого под этим *ничто*, в феноменологии Гуссерля носит чисто логический характер, а само единство предмета интенционально: предмет выступает в роли субъекта возможных предикаций или *коррелята интенциональных актов* [14. С. 45].

Такое понимание предмета означает, что речь идет не о предмете как вещи внешнего мира, но, скорее, о *предметной области* или *предметности* (*Gegenständlichkeit*). Для избранного нами полемического контекста как нельзя более адекватна тематизируемая Гуссерлем взаимосвязь между частичным и полным актом, которая, в свою очередь, более четко эксплицирует специфику отношений предмета и предметности. Восприятие как проект интенции значения есть не ожидание, а поток, т. е. *последовательная серия восприятий*, которые разворачиваются во множество восприятий того же самого предмета, показывающего себя с разных сторон. Результатом такого *самоявления предмета* (*Selbsterscheinung des Gegenstandes*) становится восприятие предмета «так, как он есть», т. е. в полноте *всех возможных восприятий*. Именно поэтому Гуссерль подчеркивает, что *интенция значения* характеризуется своеобразной *неопределенностью* (*Unbestimmtheit*), которая в своей неопределенности не пуста, но значима: *определенность интенции значения как раз и заключается в ее неопределенности*. Суть такой *определенной неопределенности* (*bestimmte Unbestimmtheit*) или *неопределенной определенности* (*unbestimmte Bestimmtheit*) состоит в том, что, с одной стороны, ей соответствует не определенный спектр возможных наполнений в восприятии, а *все возможные наполнения*. С другой стороны, этот спектр всех возможных восприятий только и обеспечивает выявление общего, постоянного состава в любом *характере наполнения*. В этом и только в этом смысле всякое восприятие (или воображение) есть сеть *частичных интенций* (*Partialintention*), которые затем объединяются в *совокупную интенцию* (*Gesamtintention*). Причем в отличие от *эмпирически фиксируемых отношений части и целого* здесь имеют место отношения корреляции. Отношения «частичное/совокупное» фундированы отношениями корреляции: коррелятом совокупной интенции выступает *вещь в полноте всех ее явлений*, коррелятом *частичных интенций* — *моменты или аспекты вещи*. Примечательно, что в случае *частичных интенций* всегда имманентно присутствует, пусть в предельно неопределенном виде, *совокупная интенция*, благодаря наличию которой как раз и проводится грань между тем, что дано в восприятии актуально в виде *частичной интенции*, и тем, чем является предмет «сам по себе», в *совокупной интенции*. Это дает основания полагать, что, в свою очередь, понятие предметности — фундирующее для понятия предмета. Неполные (=частичные) акты — это интенциональные (материальные и качественные) аспекты совокупного акта. Они также относятся к предметам, од-

нако этот предмет или, вернее, предметы нельзя идентифицировать с предметностью совокупного акта. Любой полный акт может, пусть вторичным образом, относиться к предметам неполных актов, в то время как любой неполный акт в отдельности не может быть отнесен к предметности полного акта. Однако это несколько не исключает взаимообусловленности полного и неполного актов соответственно взаимной корреляции предметности и предмета: «...только в той мере его (полного акта. — А. Л.) интенция достигает их (предметы. — А. Л.), в какой он (полный акт. — А. Л.) выстраивается из актов, которые первично их (предметы. — А. Л.) интендируют». И, наоборот: «...они (предметы. — А. Л.) только в той мере его (полного акта. — А. Л.) предметы, в какой они способствуют конституированию его (полного акта. — А. Л.) собственного предмета» [12. С. 375].

Таким образом, не всякое унифицированное переживание, состоящее из актов (т. е. частей), есть тем самым уже сведенный воедино акт (т. е. целое). Ведь каждый неполный акт имеет свое особенное интенциональное отнесение, свой унифицированный предмет и свой способ отнесения к нему. Важно обратить внимание на то, что как раз это многообразие неполных актов собирается в единый общий акт, чье общее управление заключается в унификации всех интенциональных отнесений: «...единство представимой предметности и весь способ интенционального к ней отношения в целом конституируется не н а р я д у с частичными актами, но в них и одновременно в способе их связи, которая осуществляет единый а к т , а не только единство какого-либо переживания» [12. С. 377]. При этом, как мы помним, предмет общего акта не является в качестве фактически данного. В свою очередь, частные акты не представляют свои предметы. Однако это несколько не мешает тому, что интенциональная предметность в разных актах та же самая. Ведь, «в с е р а з - л и ч и я в с п о с о б е п р е д м е т н о г о о т н о ш е н и я с у т ь д е с к р и п т и в н ы е р а з л и ч и я с о о т в е т с т в у ю щ и х и н т е н ц и о н а л ь н ы х п е р е ж и в а н и й» [12. С. 385].

Итак, бесчисленные возможности восприятия объединяются в единство *полного восприятия* одной и той же вещи. В свою очередь, под *полным восприятием* Гуссерль понимает полноту данности предмета *в спектре всех возможных восприятий* и так воспринятую вещь называет «предметом, как он есть в себе» (*der Gegenstand, so wie er a n s i c h i s t*). Однако в отличие от понятия *вещи в себе* Канта, по Гуссерлю, *предмет в себе* есть не что иное, как тот предмет, который реализуется посредством восприятий, пусть даже неполных. Нет принципиально не воспринимаемой стороны вещи и, тем более, вещи вообще недоступной восприятию. Особенность восприятия как раз и состоит в том, что оно есть «самоявленность предмета» (*Selbsterscheinung des Gegenstandes*). При **всех модификациях типов восприятий неизменной остается** их формальная направленность — схватывать сам предмет, пусть даже с учетом *ракурсов* (*Abschattung*). Восприятие не есть голая интенция, но есть акт, который предоставляет наполнение другим актам. При этом в отличие от воображения восприятие характеризуется тем, что в нем является сам предмет, а не его образ. И речь уже идет о различиях в *синтезах наполнения*. Воображение наполняется посредством своеобразного синтеза образности, а восприятие — «...п о с р е д с т в о м с и н т е з а в е щ н о й идентичности, вещь в нем удостоверяет саму себя посредством себя “самой” по мере того, как она кажет себя с различных сторон и при этом остается одной и той же» [7. S. 588]. В этом плане интуитивная репрезентация интенционального предмета тем и отличается от модели сигнитивной репрезентации (например, в понимании Твардовского [10. S. 588]), что изображающие дан-

ные в противоположность знакам языка не являются ни психическими знаками-предметами, ни сигнитивными представителями предмета, но апперципированы в качестве *самоданности предмета*. Для чисто феноменологического рассмотрения взаимосвязей репрезентации различие между сигнитивными и интуитивными репрезентациями выражается в том, что *схватывание* и *презентирующее содержание* (*darstellender Inhalt*) в первом случае образуют чисто «случайные, внешние» связи, а во втором — «существенные, внутренние» [7. S. 627].

Подведем итог нашим полемическим размышлениям. Как было показано выше, при решении вопроса о статусе интенциональных предметов как в их отношении к актам, так и в отношении вопроса о характере их существования (или онтологического вопроса) Гуссерль идет принципиально иным (в сравнении с Brentano и Brentanistami) путем: предмет интендируется, выступая в роли коррелята интенциональных актов, а момент трансцендентности свидетельствует не о реальном, действительном существовании предмета вне акта (как настаивал Brentano и его последователи), но на трансцендентности в логическом и интенциональном смысле. В контексте такого понимания коррелятивной связи акта и предмета совершенно безразлично, в каком смысле речь идет о «бытии» предмета — реальном или идеальном. Более того, тезис о существовании оказывается производным от определенных интенциональных структур — тетических актов сознания. В связи с этим Гуссерль отказывается и от, казалось бы, адекватной идеи интенциональности терминологии Brentano: под термином «имманентный» в феноменологии Гуссерля закрепляется значение «реальный» (*reel*), т. е. **речь здесь идет о компонентах ощущений и апперцепции, не являющихся интенциональными**. В случае с так трактуемой трансцендентностью не приходится говорить об объективации или «овещнении» сознания, т. е. об отношении частей акта или отображаемого предмета к частям вещей объективного мира. Вместо репрезенталистской модели отображения, в соответствии с которой «частям предмета» соответствовали бы «части акта», Гуссерль предлагает *аспектный характер* интенционального отнесения. На основании проделанного анализа понятно также, что при интенциональном конституировании предмета, предмет (и весь мир как коррелят интенциональных актов) не *отражается, не отпечатлевается и не репрезентируется* в сознании, но *конституируется, интендируется сознанием*. Интенциональные предметы *коррелятивны* актам, а не «содержатся» в них как части в целом. И если *коррелятивность* выступает в качестве *способа взаимосвязи* интенционального акта и предмета, нельзя вести речь ни о каких каузальных причинно-следственных связях. Предмет — не следствие акта, но именно его коррелят. Предмет является один раз так, а другой раз иначе. Но это тот же самый предмет, который имеет место *вот здесь, тут (da)* — **так, как он интендирован** нами и нам известен, дан нам актуально в наших восприятиях. Такому статусу предмета феноменологически соответствует непрерывный поток наполнений или идентификаций. Каждое отдельное восприятие есть смесь наполненной и ненаполненной интенции. Все они отличаются общим характером: быть «идентификациями *самоявлений* предмета с *самоявлениями* того же самого предмета» [7. S. 591], т. е. предмета в его явленности «*так, как он есть*». Сам мир вещей — это коррелят интенциональных актов сознания. Соответственно Brentanovskoe «реальное вообще» — не условие единства сознания и не то, что маркирует «предельные границы новой

предметной сферы», но, с точки зрения феноменологии Гуссерля, лишь *результат* взаимосвязанных интенциональных полаганий и конституций, который может изменяться в зависимости от изменений интенциональных структур. Отсюда, полемика Гуссерля с Brentano и Brentанистами — это не спор по поводу некоторых проблем в одной и той же теоретико-познавательной модели, но свидетельство более принципиальных расхождений: разное понимание терминов «содержания», «представления» и «предмета», казалось бы, очерчивающих общую для них предметную сферу, по существу, имплицировано принципиально разнородными методологическими предпосылками, которые, в свою очередь, обуславливают существенно разные позиции в отношении к производной от самой этой методологической установки репрезенталистской модели восприятия. В этом смысле можно сказать, что у Гуссерля идея интенциональности впервые получила свое концептуальное оформление, прежде всего, как принципиально новая *методологическая программа*. Именно поэтому интенциональность в этом случае понимается нами не только как идея, по существу, отграничивающая дескриптивную психологию от феноменологии, и не как оперативное понятие, необходимое для исполнения феноменологического анализа, но прежде всего как концептуальное методологическое ядро феноменологического проекта Э. Гуссерля и феноменологического видения в целом.

Литература

1. Brentano F. Psychologie vom empirischen Standpunkt. Bd I / hrsg. von O. Kraus. Leipzig, 1874/1924 (Phil. Biblioth. Bd 192).
2. Brentano F. Psychologie vom empirischen Standpunkt. Bd II: Von der Klassifikation der psychischen Phänomene / hrsg. von O. Kraus. Leipzig, 1925 (Phil. Biblioth. Bd 193).
3. Brentano F. Psychologie vom empirischen Standpunkt. Bd III. I. Teil: Wahrnehmung, Empfindung, Begriff / hrsg. von O. Kraus. Leipzig, 1928 (Phil. Biblioth. Bd 207).
4. Brentano F. Wahrheit und Evidenz / hrsg. von O. Kraus. Hamburg, 1930 (Phil. Biblioth. Bd 201).
5. Heffernan G. Bedeutung und Evidenz bei Edmund Husserl. Bonn, 1983. S. 57–60.
6. Husserl E. Logische Untersuchungen. Erster Band // Husserl E. Gesammelte Schriften. Bd 2 / hrsg. von Elisabeth Ströker. Hamburg, 1992.
7. Husserl E. Logische Untersuchungen. Zweiter Band. Teil II // Husserl E. Gesammelte Schriften. Bd 4 / hrsg. von Elisabeth Ströker. Hamburg, 1992.
8. Kraus O. Franz Brentano. Zur Kenntnis seines Lebens und seiner Lehre / Mit Beiträgen von C. Stumpf und E. Husserl. München, 1919.
9. Süßbauer A. Intentionalität // Süßbauer A. Sachverhalt. Noema. Freiburg; München, 1995.
10. Twardowski K. Zur Lehre vom Inhalt und Gegenstand der Vorstellungen: eine psychologische Untersuchung. Wien, 1982.
11. Громов Р. Сознание и его части. Мереологическая модель исследования в психологии Ф. Brentano // ЛОГОС: журнал по философии и прагматике культуры. 2002. № 1.
12. Гуссерль Э. Логические исследования. Второй том. Ч. 1. М., 2001 (пер. с нем. В. И. Молчанова).
13. Лаврухин А. В. Учение Brentano об «интенциональном внутреннем существовании» объекта и его критическое переосмысление у К. Твардовского и Э. Гуссерля // Вестник Самарск. гос. ун-та. 2005. Гуманитарная серия. № 1 (35). С. 5–14.
14. Ланц Г. Интенциональные предметы // ЛОГОС: журнал по философии и прагматике культуры. 1997. № 9.